

20 февраля 2001 г.

Гермиона Грейнджер собирала вещи; она собирала вещи несколько недель. Взглянув на пергамент в руке, она взяла со стола маленькую золотую чашку, кивнула и положила ее в сумку через плечо. Затем выхватив перо из чернильницы, она нацарапала отметку в списке, который держала в руках.

Ее обычно безупречный кабинет был почти неузнаваем – судя по высоким стопкам книг на столе и стопкам коробок и личных вещей, покрывавших пол в одном углу, он больше походил на кабинет Рона, чем на ее собственный. Она снова посмотрела на список.

«Дневник...» — пробормотала она, постукивая кончиком пера по пергаменту и осматривая покачивающуюся книжную башню, занимавшую большую часть ее стола. Найдя маленькую книгу в черном переплете, она бросила ее в сумку и еще раз отметила список.

Она услышала, как внизу хлопнула задняя дверь. Пробормотав себе под нос «Черт побери», она вытащила палочку из кармана джинсов и щелкнула ею: шкаф на противоположной стене распахнулся, и петли ее старого сундука из Хогвартса слегка скрипнули, когда открылась крышка.

'Я дома!' Раздался голос Рона.

Еще один взмах ее палочки, и все ее книги, коробки, заметки и всякая всячина полетели к шкафу, приказывая себе начать приземляться в сундук.

Она вытащила резинку из своих непослушных волос и тряхнула головой, чтобы высвободить локоны из тюрьмы в хвосте. У нее должен был быть выходной, и завязанные сзади волосы были для Рона совершенно очевидным индикатором того, что она работала; она не хотела вызывать у него подозрения. Ее сундук с грохотом закрылся, и в кабинете снова стало комфортно и чисто. Она закрыла за собой дверь и начала спускаться по лестнице.

«Я решил закрыться на сегодня, потому что погода такая ужасная, Косой переулок был пуст». Голос Рона, идущего вверх по лестнице, внезапно стал тише, когда она появилась в поле зрения. «Не то чтобы я их виню, — продолжал он, — там чертовски холодно».

«Да», — сказала Гермиона, думая, что Рон сегодня действительно казался веселым — она почти забыла, что он обладает такими эмоциями. «Я весь день наблюдала, как дети из соседнего дома гонялись друг за другом по снегу», — добавила она, подражая его оптимистичному тону.

Когда Рон скинул ботинки в снег и повесил плащ на крючок, Гермиона поцеловала его в щеку

и пошла на кухню, окликнув через плечо: «Ты голоден? Еда, несомненно, поможет ему сохранить необычайно веселое настроение». Возможно, им удалось бы нормально поговорить.

Он последовал за ней в ярко украшенную кухню и сел за маленький столик.

«Конечно, спасибо», — сказал он, и на его лице снова появились знакомые морщины беспокойства. Возможно, нет.

Скоро перед ним оказался сэндвич с беконом, и она спросила: «Ты видел сегодня свою маму?» Возможно, миссис Уизли стало немного лучше, и это ненадолго подняло настроение Рону.

«Нет, — сказал Рон, — я собираюсь зайти сегодня вечером и увидеться с ними». Он взял сэндвич и откусил, опустив глаза. 'Что ты делала сегодня?' — машинально спросил он.

Он как будто заставлял себя быть вежливым. Гермiona вздохнула смиренно; ей действительно не следует так легко питать надежды. «Джинни приходила сегодня утром — она все еще в плохом настроении, у Гарри большие проблемы в Министерстве». Она сказала.

«Я знаю, я вчера с ним обедал. Он разбит».

Гермiona с грустью смотрела, как он жевал сэндвич. Исчез мальчик, в которого она влюбилась; иногда она видела, как он сиял, но это было только мгновение, короткая искра, а потом она исчезала так же быстро, как и появилась. Они жили фарсом. Оба они знали это, но ни один не признавал этого.

За три года, прошедшие после войны, стресс, связанный с восстановлением, толкнул их обоих в противоположные стороны. Рон отправился в «Всевозможные волшебные вредилки» Уизли, магазин шуток, который открыли его братья-близнецы Фред и Джордж. После того, как Фред пал во время финальной битвы, Джордж был не в состоянии справиться с этим местом и всеми его напоминаниями о его потерянном брате. Вполне понятно конечно.

Рон взял на себя ответственность за поддержание его работоспособности. Обширные записи близнецов хранились в квартире над магазином, и он неуклонно просматривал их, добавляя новые товары в инвентарь. Он хотел, чтобы все было так же успешно, как и до потери Фреда, и был готов к тому дню, когда Джордж снова сможет справиться с ситуацией.

С течением времени этот день казался все менее и менее вероятным. В тех редких случаях, когда он появлялся, Джордж едва успевал продержаться час, как его что-то сбивало с толку, и он либо срывался, либо кричал на Рона за то, что тот делает что-то не так, как Фред. После этого он выбегал из магазина и топил горе в ближайшем алкогольном напитке, который мог найти. Фактически, Джордж проводил большую часть своего времени, откладывая свои проблемы в ближайшей гостинице, что очень беспокоило Рона. Он знал, что его брат имел право горевать, но, по его мнению, это, похоже, переходило от горя к эгоизму.

Миссис Уизли находилась в похожем состоянии, и хотя ей не требовалась порция огневиски, чтобы встать с постели по утрам, она вполне могла бы накатить. Она функционировала, но на этом все. Готовить, убирать, спать — вот и все, что ей удавалось ежедневно. Это началось из-за потери Фреда, но по мере постепенного ухудшения состояния Джорджа ей становилось все хуже; внуки приносили ей немного счастья, когда приезжал Билл или Перси, но оно всегда было мимолетным.

Вдобавок к беспокойству Молли, ее дочь Джинни, вышедшая замуж за Гарри прошлым летом, боролась за сохранение барака. Никогда не было легко, ведь они поженились в молодом возрасте, но Джинни проводила больше времени в семейном доме, чем в своем собственном, главным образом потому, что ее мужа никогда не было дома.

Пока Гарри обучался у мракоборцев, Джинни сумела справиться с ограниченным количеством свободного времени, которое они проводили вместе, и с тем, что Гарри практически избегал ее. Она боролась все эти годы, думая, что, как только он станет квалифицированным мракоборцем и сможет должным образом помочь, его желание компенсировать события - вещи, которые он считал ошибками, которые он совершил - во время войны, уменьшится.

Джинни ошибалась. Гарри постоянно был в Министерстве, и когда он приходил домой, он садился и писал список за списком всех принятых им неправильных решений и их последствий. Гнев Гарри на себя также вызвал еще больший стресс у миссис Уизли. Когда Джинни заставила его войти в их компанию, он изо всех сил пытался посмотреть Молли или Артуру в глаза. Это было почти как потерять еще одного сына.

Рон был единственным, с кем он действительно мог поговорить. Их дружба была не такой крепкой, как в Хогвартсе, но по какой-то причине Гарри считал, что Рон не винит его ни в одной из его «ошибок». Почему он не принимал этого ни от кого другого, оставалось загадкой.

Затем, конечно же, была слава, пришедшая после победы над самым могущественным темным волшебником всех времен. В глубине души Гарри считал, что не справился со своей задачей - что на победу над Риддлом потребовалось слишком много жизней и слишком много времени - однако он был вынужден улыбаться и гордиться своими достижениями перед волшебной публикой, при этом зацкливаясь на каждом, кого убили, потому что он был слишком медленным.

<http://tl.rulate.ru/book/105333/4103722>